

С. И. НИКОЛАЕВ

О СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ РУССКИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

(к постановке вопроса)

Наиболее сжатая характеристика культурного процесса в петровскую эпоху принадлежит самому Петру I. В 1714 г. после спуска на воду нового военного корабля он произнес речь, в которой между прочим сказал: «Историки доказывают, что первый и начальный наук престол был в Греции, откуда, по несчастию, принуждены были они убежать и скрыться в Италии, а по малом времени рассеялись уже по всей Европе; но нерадение наших предков им воспрепятствовало и далее Польши пройти их не допустило. Я не хочу изобразить другим каким-либо лучшим образом сего наук прехождения, как токмо циркуляциею или обращением крови по человеческом теле; да и кажется, я чувствую некоторое по сердце моем предуведение, что оные науки убегут когда-нибудь из Англии, Франции и Германии и перейдут для обитания между нами на многие веки, а потом уже возвратятся в Грецию на прежнее свое жилище».¹ Эта речь стала популярной уже в XVIII в., ее неоднократно цитировали как русские писатели и историки, так и иностранные наблюдатели; и в позднейшее время она стала непременным элементом характеристики петровской эпохи,² причем в некоторых пересказах кроме «циркуляции крови» добавлялось сравнение перехода наук с движением часовой стрелки по циферблату. Эти яркие, чисто барочные сравнения Петра I обрамляют одну из фундаментальных идей средневековой теории культуры, идею *translatio*

---

¹ Цит. по: Писарев С. И. Предисловие. — В кн.: *Философия правоучительная, сочиненная... Эммануилом Тезауром*. СПб., 1764, ч. 1. Ср.: Голыков И. И. *Деяния Петра Великого*. М., 1838, т. 5, с. 262.

² См.: Киреевский И. В. *Критика и эстетика*. М., 1979, с. 249—250; Ключевский В. О. *Неопубликованные произведения*. М., 1983, с. 16.

studii, переноса знания, культурных ценностей.³ Эта идея была вовсе не чужда допетровской культуре, однако на рубеже XVII—XVIII вв. она актуализировалась⁴ и затем прочно и надолго вошла в культурный обиход русской литературы. Тема «странствующих муз», одно из конкретных воплощений этой идеи, стала сквозной темой одического творчества М. В. Ломоносова.⁵

«Музы, богини свободных наук, нашли новый Геликон в московских пределах», — писали в 1705—1706 гг. иностранные газеты.⁶ Реализацией этой метафоры в петровскую эпоху стали преобразованная Славяно-греко-латинская академия и Академия наук, сеть школ и училищ, Кунсткамера, подъем книгопечатания и небывалый размах переводческой деятельности. Этот процесс, разумеется, вышел далеко за хронологические рамки петровского времени и охватил весь XVIII в., однако существенная роль в создании новой русской культуры принадлежит рубежу XVII—XVIII вв., когда стало очевидно, что усвоение достижений европейской культуры будет проходить в национальных формах, что вполне соответствовало духу постренессансной науки.⁷

Практический смысл усвоения европейской, прежде всего новолатинской, культуры на русском языке совершенно очевиден. Отсюда следовало, что в России латинскому языку отводилась лишь функция общения в межнациональной республике ученых, а также роль языка-посредника, действительно сменившего в конце XVII в. в этой роли польский.⁸ Языком же русской науки должен был стать «природный славено-росский язык». Новаторский и престижный характер своей деятельности русские литераторы и переводчики осознали уже в XVII в., когда в оригинальных, а также в переводных сочинениях появляется и надолго закрепляется мотив новизны: «Прежде сего славенским языком никто о том не писал». Литератор сознательно становится человеком, «ратующим о пользе отечества».¹⁰

---

³ См.: Curtius E. R. *European Literature and the latin Middle Ages*. London and Henley, 1979, p. 29.

⁴ См.: Булагин Д. М. Идея *translatio studii* и Киевские Афины. Доклад, прочитанный 2 октября 1983 г. на теоретическом семинаре «Методологические проблемы исследования истории отечественной философской мысли XI—XVII вв.» (г. Киев).

⁵ См.: Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума. — В кн.: XVIII век. Сб. 14. Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983, с. 27—35.

⁶ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862, т. 1, с. 136.

⁷ См.: Ольшки Л. История научной литературы на новых языках. М.; Л., 1934, т. 2, гл. 3, 4.

⁸ См. подсчеты (неполные) в кн.: Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Л., 1972, с. 51.

⁹ Замысловский Е. Царствование Федора Алексеевича. СПб., 1871, ч. 1, Приложение, с. XXXIX.

¹⁰ Кузаков В. А. Очерки развития естественно научных и технических представлений на Руси в X—XVII вв. М., 1976, с. 123.

Наиболее обстоятельно мысль о том, что все лучшие книги должны быть переведены на русский язык, изложил А. Ф. Хрущев в предисловии к своему переводу 1719 г. «Утешения духовного» Фомы Кемпийского. «Три причины принудили меня переводить сию книгу следования Иисуса Христа на наш язык. Первая причина: должность моя служить отечеству, потому что всяк человек родится не ради самого себе, но в ползу и на службу всем. Другая причина, что сия книга не толко переведена на все языки европския (на аглинский, французский, италянский, гишпанский, немецкий, галанский, швецкий), но и варвары на своем языке имеют и почитают лучше всех своих книг духовных. <...> Когда варвары такую христианскую книгу имеют, почто нам, христианом, не иметь? Вместо того, что варвары оную книгу чтут, хранят и почитают, мы, христиане, ее мало знаем или и подлинно не знаем, и на нашем языке не имеем; хотя, может быть, и есть, толко я воистинну никогда не видал ни писменной, ни печатной. Третья причина следует из первых двух, что видя оную книгу, всякому христианину полезную на всех языках и во всех верах, не хотел быти рабом непотребным и скрыти в землю данной мне талант от бога, но похотел употребить его в ползу всем людем и видеть сию книгу на нашем славенороссийском языке».¹¹

Высказанные А. Ф. Хрущевым мысли встречаются и в других предисловиях, а то обстоятельство, что наиболее четко они сформулированы в предисловии к мистическому трактату, т. е. произведению, не относящемуся к основной проблематике переводной литературы петровского времени, свидетельствует лишь о твердо сложившейся новой концепции труда переводчика.¹² Даже в области душеполезной литературы творчество по внутреннему убеждению сменяется «службой отечеству», которую характеризуют «ревность» о переводе книг, имеющих у «многих народов», и убеждение в достоинстве и культурном престиже русского языка. Хотя последнее положение и не приняло формы «защиты и прославления природного славенороссийского языка», чем позднее стало предисловие к «Грамматике» М. В. Ломоносова, переводчикам на практике приходилось доказывать его же теоретическое положение о «возможности все переводить на язык российский». Принципиально новая проблематика перевода сказалась, естественно, и на развитии теоретической мысли, однако в существующих очерках развития принципов перевода в России от начала письменности до XX в. петровской эпохе явно не повезло: обзор древнерусских теорий завершается концом XVII в., а историю эволюции принципов перевода XVIII—XX вв. открывают имена А. Кантемира и В. К. Тредиаков-

¹¹ ГПБ, Соловецкое собр., № 1130/1240, л. 2—3 об.

¹² Ср.: Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху. — В кн.: XVIII век. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974, с. 112—128.

ского.¹³ В действительности, конечно, такого перерыва не было, и теоретические высказывания переводчиков петровского времени, этого «узла русской культуры», являются необходимым звеном в истории отечественной переводческой мысли.

В работах, посвященных культуре петровской эпохи, справедливо говорится о резком увеличении переводов книг по математике, мореплаванию, астрономии, архитектуре и т. д., причем подчеркивается, что основные трудности, вставшие перед переводчиками, сводились к проблемам перевода специальной терминологии, отсутствовавшей в русском языке. Между тем переводная литература первой трети XVIII в. вовсе не состояла из одних книг утилитарного, прикладного характера; значительную часть ее составляли книги по теории и истории государства и права, всеобщей и европейской древней и новой истории. При этом переводились труды по политическим наукам виднейших теоретиков XVII в.: Д. Локка, Г. Гроция, С. Пуфендорфа и др., и эти переводы самым активным образом использовались при создании отечественного варианта теории абсолютистского государства.¹⁴ Понятно, что книги по техническим «художествам» переводились новейшие, между тем в области гуманитарных наук очевидна тенденция эпохи (и прежде всего самого Петра I) к усвоению достижений всей постренессансной европейской мысли, поэтому рядом с трудами Д. Локка и С. Пуфендорфа встречаются сочинения Полидора Вергилия, А. Везалия, Эразма Роттердамского, Юста Липсия и многих других.¹⁵ Вся эта обширная, далеко не полностью выявленная литература нуждается во всестороннем тщательном изучении, однако уже предварительный обзор предисловий русских переводчиков приводит к следующему наблюдению: если перед переводчиками технической литературы стояли конкретные и иногда очень сложные задачи по созданию отечественной научной терминологии,¹⁶ то в предисловиях к переводам книг по гуманитарным наукам разрабатывались не узко практические, а теоретические вопросы перевода. Представляется важным, что высказывания о теории перевода обычно предваряются характеристикой «авторова штиля», что было новшеством по сравнению с предшествовавшей

---

¹³ См.: Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976, с. 27—55; Левин Ю. Д. Об исторической эволюции принципов перевода. (К истории переводческой мысли в России). — В кн.: Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963, с. 5—63.

¹⁴ См.: Гурвич Г. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев, 1915.

¹⁵ См. неполные и необработанные перечни таких переводов в кн.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1, с. 255—257; Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына. — В кн.: Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979, с. 241—249.

¹⁶ См.: Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки: Терминология математики, астрономии, географии в первой четверти XVIII в. М.; Л., 1964.

переводной литературой. Приведем наиболее замечательные примеры.¹⁷

Симон Кохановский в предисловии к переводу 1721 г. книги известного нидерландского филолога, философа и историка, выдающегося латиниста конца XVI в. Юста Липсия «Увещения и приклады политические» в частности писал: «Всякому хотящему чести сии мои малые труды сие прежде чтения подобает ведати, что я, пишучи оныя увещения и приклады, не везде смотрел на латинские слова Юста Липсия, но точию смотрел на силу истории, чтоб история руским языком была истинна, ясна, всякому вразумителна, а то для того, что помянутый автор некия увещения и приклады латинским языком написал кратко да темно и велми скрытно... и вопреки, некие он истории написал пошироко да темно».¹⁸

Феофан Прокопович, будучи префектом Киево-Могилянской академии (т. е. в 1707—1711 гг.), по повелению Петра I перевел «Изображение христанно-политического властелина, символами объясненное» Сааведры Фахардо. В посвящении Петру I он писал, что при переводе «немалое же принесе стужение и самый творца книги сея вид слова и образ писания (стыль у риторов именуется) — трудный, необычный, темный, нечто тонкий, стропотный и нескоро разумыслный... Но всяк успевай в едином, во другом оскудевает. Подобне похваленный от нас Сааведра искусен убо, бистр и пространен во учении полтытическом, но в риторской слова хитрости мало нечто недоволен есть. Многажди слово его темному облаку или возмущенной воде подобствует, и со немалим трудом едва уразумеешь, что провещевает и чесо учит. Ово яко необычния употребляет наречия, ово яко частия и неясния аллигории, инния слова, образи трудния избирает, ово же яко многия приводит древния истории неведомия, не повествуя их, но токмо кратко воспоминая; и егда от единой беседи преходит ко последствующой, не гладким и не простим путем, ниже поволним со гори снисхождением идет, но аки би стремглавным со брега вержением нечаянно сниспадает. Не полагает от речи ко речи подобающего моста, им же бы ум чтущаго непреткновенно шествовал; не соплетает глаголемых свойственным и всегда ко лучшему разумению потребним союзом, но весма подобен есть притчи пишущим, и что паче всех нужнейшее есть словеси учителному предлагати во кратце глаголатися имущая и таковым чином устроевати слово, да слышатель ли и читатель не токмо глаголемая, но и яже имут рещися понемало предувидит, подобне яко же на пространном поли не токмо близ сущая, но и далече обстоящая, аще и не-

¹⁷ Ср.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1, с. 205—227; Николаев С. И. Трактат С. Х. Любомирского о стиле (1683) и проблема в русской литературе первой трети XVIII в. — ТОДРЛ, Л., 1983, т. 37, с. 118—129.

¹⁸ ГЦБ, Ф. II. 48, л. 1 об.

совершенно, усматриваем. Он сие всячески пренебреже, не аки бы по поли, но аки по тесних семо и овамо полплетенных пещерах водит читателя, вся нечаянно показывает, едино что уразумеая не веси, что послезде будет, достиг же последнего, забываеши первого, сия и сим подобная».¹⁹

Гавриил Бужинский в посвящении Петру I перевода «Введения в историю европейскую» С. Пуффендорфа писал: «Егда же вещающа славенским языком Пуффендорфа услышиши, пресветлейший и непобедимейший монократор, и многия или трудныя, или неудобь разсудителныя речения, или противныя делу слова обрящеши, не автору сея самому на немецком наречии историю сию написавшему приписовати леть есть, по оному Иоанну Фридериду Крамеру, с немецкаго на латинский язык преложившему, который частию показания ради ума своего многая обоудно темно и против воли автора положил, откуда ниже аз с латинскаго превед на русский. <...> Елико возмогл, тщася ясно прелагати, обретая же обоудныя и неудобь домислимая места».²⁰

В приведенных высказываниях, принадлежащих видным литераторам петровской эпохи, ничего не говорится о терминологических сложностях, напротив, переводчиков прежде всего занимает проблема стиля изложения оригинала, поэтому со всем основанием можно предполагать наличие в этих характеристиках определенной стилистической позиции. Эта позиция не была столь же критической по отношению ко всей иноязычной литературе, известны отзывы совершенно противоположные. Так, А. Ф. Хрущев в уже цитированном предисловии 1719 г. к «Утешению духовному» писал, что из многочисленных французских переводов этой книги он выбрал тот, в котором «слог переводчиков показался... внятен, легок, и прост, и явствен»;²¹ он же отмечал в 1724 г. в предисловии к переводу «Похождений Телемаковых», что Фенелон писал «стилем приятным и вразумительным».²²

Критические отзывы Симона Кохановского, Гавриила Бужинского, резкий по характеру отзыв Феофана Прокоповича, а также ряд других получают свое объяснение в связи с общей ориентацией переводной литературы петровской эпохи. Обратившись к новолатинской литературе XV—XVII вв., а критические отзывы относятся в первую очередь к переводам с латыни, русские переводчики должны были высказать свое отношение к одной из главных литературных полемик XVI—первой половины XVII в., к спору между сторонниками цицероновского и антицицероновского (иначе аттицизма, или липсианизма) направлений

¹⁹ ГПБ, Ф. II. 67, л. 3—3 об.

²⁰ Введение в историю европейскую чрез Самуила Пуффендорфия. СПб., 1718, с. 7.

²¹ ГПБ, Соловецкое собр., № 1130/1240, л. 10 об.

²² ГПБ, собр. ОЛДП, Ф. 117, л. 4.

в прозе.²³ Полуторавековая дискуссия между сторонниками двух школ, участниками которой в разное время были Эразм Роттердамский, Ю. Ц. Скалигер, Юст Липсий, М. Монтень, Ф. Бэкон и др., не сводилась, разумеется, только к стилистическому аспекту. Полемика затрагивала вообще всю гуманистическую теорию подражания (в узком смысле — подражать писателям золотого или серебряного века римской литературы) и имела достаточно сложную мировоззренческую подоплеку. Как заметил один из исследователей антицизма, «этот стиль не был только способом расположения слов. Это был образ мышления, который повлек за собой важные этические и политические последствия. Если стиль Цицерона был стилем церкви, университетов, иезуитов, дипломатии и ортодоксии в целом, то стиль Сенеки и Тацита ассоциировался с неортодоксией вообще и даже свободомыслием».²⁴

Судьбы античного и гуманистического наследия в русской культуре XVI—XVIII вв. — предмет совершенно особого исследования.²⁵ Для настоящей работы важно то, что полемика между Цицеронианцами и антицистами захватила эпистолографию, историографию, красноречие, а также философскую и политическую литературу, т. е. ту научную прозу, которую и переводили в России на рубеже XVII—XVIII вв. Имея в виду суждения русских переводчиков о стиле изложения европейских новолатинских авторов, приведем краткую и, конечно, несколько упрощенную характеристику обоих стилей, выработанную литературной критикой XVI—XVII вв. Цицероновский стиль характеризовался языковой чистотой, соответствовавшей золотому веку римской литературы, единством, гармоничностью, изобилием, он был возвышенным, благозвучным и ритмичным. Критики этого стиля видели в нем преувеличения, эмфазы, пустые слуховые эффекты, однообразие, болтовню и отсутствие дисциплины слова. Сторонники противоположного направления среди достоинств своего стиля отмечали его современность, краткость, разнообразие, экспрессию, интеллектуализм, сентенциональность, игру слов, импровизацию и свободу изложения, элитарность (стиль ученых и политиков), максимальную сжатость, скрытый смысл, лаконизм.

---

²³ Этому вопросу посвящена обширная литература, в которой основными являются работы М. В. Кролля 1910—1920-х гг., переизданные в кн.: Croll M. W. *Style, Rhetoric and Rhythm*. Princeton, New Jersey, 1966 (здесь же библиография новейшей литературы). См. также: Bolgar R. R. *The classical Heritage and its Beneficiaries*. Cambridge, 1973; *Classical Influences on European Culture. A. D. 1500—1700* / Ed. by R. R. Bolgar. Cambridge, 1976; Sypher W. *Four Stages of Renaissance Style. Transformations in Art and Literature 1400—1700*. New York, 1956; Otwinowska B. *Modele i style prozy w dyskusjach na przełomie XVI i XVII wieku*. Wrocław, 1967.

²⁴ Highet G. *The classical Tradition. Greek and Roman Influences on Western Literature*. Oxford, 1949, p. 326. Цит. по кн.: Otwinowska B. *Modele i style prozy...*, s. 201—202.

²⁵ См.: Алексеев М. П. *Явления гуманизма в литературе и публицике Древней Руси (XVI—XVII вв.)*. М., 1958.

Противники порицали этот стиль за его неясность, темноту, ненормативный язык с неологизмами и архаизмами, чересчур смелые метафоры, сухость, прыгающие предложения, рассеченные периоды, аффектацию, нестройную композицию и т. д.

Несмотря на то что демаркационная линия между двумя школами не была постоянной, да и сами стили на протяжении полутора веков развивались, иногда перекрещиваясь и вновь расходясь, нетрудно все же заметить, что русские переводчики оказались в лагере противников аттицизма. Действительно, «темность и стропотность», «кратко да темно и вельми скрытно» или «пошироко да темно», «неясные слова», «неясные аллигории» и пр. — все это похоже на претензии ярых последователей Цицерона к маньеристскому аттическому стилю. Тут встает закономерный вопрос: была ли это осознанная позиция стремившихся не изменить «силу истории» литераторов, захваченных идеей *translatio studii*, или это недоумение и растерянность подъячих, чье «учение по латиням», по остроумному замечанию В. О. Ключевского, заключалось в бессмысленном заучивании «польско-латинских вокабул, записанных русскими литератами: ликос — волк, луппа — волчица, спириды — лапти, препосит — болярин, <...> скандализи ми — собляжняют мя»?²⁶ Ответить на этот вопрос позволят лишь обстоятельные исследования истории русской риторики и исторической стилистики в целом, а также истории восприятия Цицерона в России. Из ряда восторженных отзывов о «славном Кикероне» в XVI—XVII вв. трудно извлечь позитивные данные — эти отзывы явно несут печать идущей из Польши школьной традиции. Тем не менее уже сейчас, в предварительном порядке, некоторые рекомендации по стилю изложения в памятниках XVII в. заслуживают внимания. В так называемой Риторике Макария, открыто призывавшей подражать Цицерону, подчеркивалось, чтобы сочинение «латиньским истинным языком и чтоб ясно и не закрыто, и украшенною речию или глаголанием, и удобно говорилось».²⁷ В предисловии к «Исторической книге» (1680-е гг.) в замечании о слоге подчеркивалось: «Слово бы было чистое, свойственное, и разумичное, и ясное».²⁸ Это направление в стилистике было, очевидно, не единственное. Примечательно, что к началу XVIII в., т. е. еще до переводов «политических дискурсов» Юста Липсия и С. Пуффендорфа, в России были переведены произведения некоторых писателей античности, на которых ориентировались в своей теории и практике европейские аттицисты: Сенека («Разум Сенекин, или Лутчия речения сего философа»);²⁹ Плиний младший (пане-

²⁶ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1959, т. 7, с. 410.

²⁷ Die Makarij-Rhetorik. Hrsg. von R. Lachmann. Köln; Wien, 1980, S. 130.

²⁸ Замысловский Е. Царствование Федора Алексеевича, с. XXXIX.

²⁹ Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына, с. 247.

гирик Траяну), а также Фукидид.³⁰ Переводы, к сожалению, не сохранились, поэтому суждения переводчиков о стиле неизвестны, однако сохранившееся замечание Епифания Славинецкого «Фукидид краток есть и тонкий» не сопровождается какими-либо критическими оценками.

Русская стилистическая терминология XVII в. («ясный», «не закрытый», «чистый», «разумный», с одной стороны, и «краткий» и «тонкий» — с другой) совпадает с терминологией переводчиков первой трети XVIII в., а также соответствует европейской полемике о стиле XVI в. Однако имеющихся данных о стилистических взглядах русских книжников XVII в. слишком мало для объяснения позиции переводчиков петровской эпохи, хотя и очевидно, что последняя появилась не на пустом месте. Положение спасает то, что один из критических отзывов об аттическом стиле принадлежит не только переводчику, но и крупному и оригинальному теоретику литературы Феофану Прокоповичу. Сопоставление его взглядов на стиль изложения, выраженных в предисловии к переводу С. Фахардо и в «Риторике» (1706—1707), подтверждает их полную идентичность.³¹ Описывая пороки ложного красноречия и следуя в этом риторике Никола Коссена, известного критика липсанизма начала XVII в., Феофан перечисляет стили напыщенный, чересчур аллегоричный, бессвязный и курьезный, бурный и смешанный, иллюстрируя теоретические положения яркими примерами из древних и новых (в этом случае чаще всего польских) ораторов. Несмотря на явно процицероновский характер «Риторики», в целом это уже реформированный Цицеронизм, симбиоз Цицеронизма и критического отбора образцов для подражания среди писателей не только золотого, но и серебряного века римской литературы, а также писателей нового времени. Такой творческий подход к Цицероновской традиции Феофан противопоставлял рабскому эпитонству, сводившемуся к механическому заимствованию из сочинений великого оратора слов и оборотов. Фигура завязанного «цицеронца» вызывала у Феофана лишь ядовитую насмешку.

В свете изложенного представляется вполне допустимым предположить, что, характеризуя «авторов пгиль» в предисловиях к переводам, Феофан Прокопович, а также Симон Кохановский и Гавриил Бужинский (не только политические единомышленники, но и выученики одной школы — Киево-Могилянской коллегии) осознанно критиковали крайности и пороки аттического стиля с позиций неоцицеронизма. Уяснение стилистической позиции как названных, так и других переводчиков петровской

³⁰ См.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, с. 382.

³¹ См.: Prokorovič Feofan. De arte rhetorica libri X. Hrsg. von R. Lachmann. Köln; Wien, 1982; Прокопович Феофан. Філософські твори. Київ, 1979, т. 1; Кибальник С. А. О «Риторике» Феофана Прокоповича. — В кн.: XVII век. Сб. 14. Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983, с. 193—206.

эпохи само по себе представляет интерес, хотя и нуждается в дальнейшей разработке и уточнениях. Однако этот вопрос все не был академическим для переводчиков первой трети XVIII в., потому что занятая ими стилистическая позиция внесла существенные коррективы в теорию и практику перевода.

Во второй половине XVII в. в России существовали две концепции перевода, представлявшие крайние позиции. С одной стороны, это была теория пословного перевода. В конце века ее теоретически обосновал и яростно защищал крупный практик и незаурядный филолог Евфимий Чудовский, подчеркивая, «яко подобает истинно преводити... от слова до слова и ничто разума и речений многотрудноумышленных святыми отцы пременяя».³² Противоположная теория перевода, синтетическая (по терминологии С. Матхаузеровой), лучше всего выражена Симеоном Полоцким в «Жезле правления» (1667): «Сказатель же или преводитель странного языка сей есть верный, иже и разум и речение преводит неложно, ничесо же оставляя» (с. 53). Таким образом, «Симеон Полоцкий требует, чтобы „речение и разум были переведены“ и ничего не было оставлено, в то время как Евфимий требует, чтобы „речение и разум не были переменены“» (там же).

Концепция Симеона Полоцкого, ориентированная на взгляды классических авторов и теоретиков Возрождения, «наиболее соответствовала... общественным тенденциям и культурным требованиям» (с. 54). Но по ряду обстоятельств на Московском Печатном дворе, который до начала XVIII в. был законодателем официальных литературных вкусов, возобладала теория «от слова до слова». Несколько позднее она и здесь подверглась критике. Директор Печатного двора Ф. Поликарпов в 1723 г. говорил об одной книге Епифания Славинецкого, учителя Евфимия Чудовского, что она «преведена необыкновенною славянщиною, паче же рещи еллинизмом и за тем о ней мнози недоумевают и отбегают».³³

На какую из двух концепций, выработанных для перевода богословских трудов, могли ориентироваться переводчики «политичных дискурсов» в первой четверти XVIII в.? Очевидно, что концепция Симеона Полоцкого, опирающаяся на Цицерона (*De optimo genere oratorum*, 14),³⁴ больше импонировала духу их деятельности, чем жесткая теория Евфимия Чудовского. Однако при сложившейся в переводной литературе первой трети XVIII в. стилистической ситуации последовательное проведение обеих концепций давало бы в результате перевод стилистически певра-

³² Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова, с. 42 (далее ссылки на эту книгу в тексте).

³³ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., с. 289.

³⁴ См.: Цицерон Марк Туллий. О наилучшем роде ораторов / Пер. П. Черняев. — Гимназия, 1895, № 6—7, с. 354; Цицерон Марк Туллий. Полн. собр. речей в русском переводе / Ред., введение и примечания Ф. Зелинского. СПб., 1901, т. 1, с. LXII.

зүмительный, «темный и стропотный»,³⁵ что шло вразрез с неоднократными требованиями Петра I к переводчикам писать «внятно и хорошим стилем».³⁶ В результате произошло важное изменение в теоретической мысли: в соответствии с общим процессом секуляризации русской культуры разработка теории перевода переносится из области богословских сочинений на светскую литературу, историческую, политическую и научную прозу.

Предоставим опять слово переводчикам, которые после разобранных выше высказываний о стиле оригинала обосновывали свои принципы перевода.

Симон Кохановский, охарактеризовав стиль Юста Липсия, заключил предисловие словами: «Я в переводе сем не поработчен был помянутого автора штилю, но едино служил истинне, чтоб ниже мало была измененна сила и истинна истории, того ради сие предвозвещаю в преддверии последующих повестей, дабы кому не дивно было, что не слово в слово переведены, но смотрил бы, что самая истинная сила истории не измененна есть».³⁷

Феофан Прокопович объяснял Петру I свою задержку в переводе С. Фахардо тем, что «нужда бяше надолзе рассуждати, како би не всуе во изложении его трудитися. Аще бо бы тако его кто превести потщался, даби немало следов наречия его не остатися, была бы вещь отнюдь не уразуменная, стропотная и жестокая. Аще же бы всяко разнствующим и далече отходящим от слова его образом толковати восхотел кто, не было би то переводити, но свое новое нечто писати. Между сым убо и овым средствие некое держати тщахомся, но ныже тако мню удовлетворым желанию пресвет[лаго] величества вашего, отнюдь бо невозможно есть... всю темность и стропотность прогнати во преведении на славенский язык книжицы сея».³⁸

А. Ф. Хрущев признавался: «Переводя искал как возможно, чтоб войтить во авторово мнение и чтоб ему следовать повсюду, не смотря на слова и речи французскаго языка, но толко смотрел как превесть наивернее и иностранных слов никаких не писал, чтоб вразумительнее было нашему языку и надеясь, что не толко ученые люди, но и простыя, кто читать умеет, могут разуметь без труда, потому что переводил я не от слова в слова, чтоб была французская книга на русском языке, но изъяснил всякое авторово мнение простыми словами».³⁹

³⁵ «Символы» С. Фахардо впервые были переведены в конце XVII в. неким «иноземцем Андреем Дикинсоном», которого проблемы стилистики, очевидно, не занимали, во всяком случае, предисловие переводчика отсутствует. А. И. Соболевский охарактеризовал язык перевода как «нескладный и неудобопонятный» (Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., с. 162). Это обстоятельство, вероятно, и побудило Петра I поручить вторичный перевод книги Феофану Прокоповичу.

³⁶ Пекарский П. Наука и литература в России..., с. 213.

³⁷ ГПБ, Ф. II. 48, л. 1 об.

³⁸ ГПБ, Ф. II. 67, л. 3 об.—4.

³⁹ ГПБ, собр. Соловецкое, № 1130/1240, л. 11.

Предложенная переводчиками начала XVIII в. теория перевода была новым шагом в развитии отечественной теоретической мысли; недаром Симон Кохановский подозревал, что кому-то она может показаться «дивной». Классическая формула «не от слова до слова» (non verbum pro verbo) получала новое наполнение, она принципиально была ориентирована на стилистическую традицию «нашего природного» языка, а не на стилистику оригинала. Эта концепция получила полное одобрение Петра I, который был в курсе творческих поисков переводчиков, а в одном из писем кратко подвел итог их теоретическим разработкам: «Точию выразумев, уж так писать, как внятнее».⁴⁰ Однако эта концепция не означала все же полного произвола и чересчур вольного обращения с переводимым произведением, наоборот, в сознании литераторов петровской эпохи впервые формируется представление о профессиональной этике переводчика, что видно из замечания Феофана Прокоповича: «Не было бы то переводити, но свое новое нечто писати».

Стилистический аспект новой теории перевода отразился и в метафорике труда переводчика. Образы-символы литературного труда, особенно широко распространенные в средневековой литературе,⁴¹ являются наиболее сжатым выражением эстетических представлений. Хотя эти символы-образы традиционны и имеют всеобщий характер, они сменяют друг друга или сосуществуют так же, как и отраженные в них эстетические представления. Для XVII—XVIII вв. это, как представляется, можно показать на примере хорошо известной разным литературам метафоры «портного», производной от более общего и более древнего представления о литературном творчестве как «ткании»,⁴² (отсюда и «художественная ткань произведения» — стертый оборот литературоведческого обихода). Эта метафора, равно как и другие образы-символы писательского труда, применима и к оригинальному и к переводному творчеству, однако допустимо предположение, что она заслуживает особого внимания при изучении переводной литературы, так как подразумевает обработку уже готового «материала».

Для современного сознания «портновская» метафорика имеет либо явно пейоративную, либо самоуничтожительную коннотацию, смысл выражения «кропать стишки» достаточно однозначен.⁴³ Пародийный смысл «портновская» метафорика получает со вто-

⁴⁰ Пекарский П. Наука и литература в России..., с. 227.

⁴¹ Ср. наблюдения на материале древнерусской литературы: Булантин Д. М. О некоторых принципах работы древнерусских писателей. — ТОДРЛ, т. 37, с. 3—13.

⁴² См.: Матхаузерова С. «Слагати» или «ткати»? (Спор о поэзии в XVII в.). — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, с. 195—200; Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984, с. 59—60.

⁴³ См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979, т. 2, с. 198; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1981, вып. 8, с. 72.

рой половины XVIII в., когда она постоянно встречается в сочетаниях типа «Вергилиева Енейда, вывороченная наизнанку» (Н. П. Осипов, 1791), «Енейда, на малороссийский язык перелицованная» (И. П. Котляревский, 1798), «божественный Ахиллес во французском платье» (С. С. Уваров, 1813), «смешной наряд» русского Буало (И. А. Крылов, 1814), наконец, отзыв А. Н. Радищева о переводе В. П. Петрова «Энеиды»: «Не дивлюсь, что древний трух на Вергилия надет ломоносовским покроем» (1790). В этих наудачу выбранных примерах с «перелицовкой» «портновская» метафорика означает травестию, пародию или искажение, но с конца XVII и до середины XVIII в. она употреблялась нейтрально или даже с положительным оттенком. Приведем три примера, не оставляющих сомнения в таком ее понимании.

В 1688 г. Евфимий Чудовский в предисловии к переводу творений Симеона Солунского писал: «Священную сию книгу... святейший кир Иоаким, всероссийский патриарх, повеле в славенскаго диалекта претолкование, яко в многоценную и драгоушешренную ризу одяети».⁴⁴ В конце XVII в. было переведено «Соборное деяние, еже бысть в Константинополи», которое «написася убо тамо эллиногрецким диалектом, вонь же облеченно притече в преславный православно царствующий град Москву, в нем же стяжа словенска диалекта одяение, его же красоту да зрит всякое верных состояние».⁴⁵ 19 июля 1728 г. Я. Маркович отметил в своем дневнике: «Псалом II против еврейского вывернул на славенский диалект».⁴⁶ Самое раннее употребление этой метафоры, нам известное, относится к концу царствования Алексея Михайловича, когда появился перевод «Прологов» Трога Помпея — «Краткое пяти монархий древних описание». В посвящении перевода И. И. Морозову анонимный переводчик несколько раз употребляет эту метафору: «Аз же, последний раб твой, еже сим временем скоро возмогл събрати пред велможное преизящество твое „Пять монархий“, в ризу росийскую одяенных... Яко труд сей мой любезно ныне прияти сподобился еси бы прежде, нежели иныи древнии историки римскии, в ризу росийскую чрез мене одевающихся, на свет к великоможности твоей изыдут».⁴⁷

Во всех этих случаях «перелицовка» (ср.: «Мы с польского на русский перелицовали, Вписавши безпрременно, что там читали») ⁴⁸ не носит никакой оценки и означает лишь перевод

---

⁴⁴ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., с. 317.

⁴⁵ Тополев В. П. Рукописи Нижегородского церковного древлехранения. — Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сборник. Нижний Новгород, 1914, т. 17, вып. 2, с. 18.

⁴⁶ Дневные записки Якова Марковича. М., 1859, ч. 1, с. 289.

⁴⁷ БАН, П.Л.А.15, л. 23, 23 об.

⁴⁸ Пекарский П. Наука и литература в России..., т. 2, с. 474. Из печатного календаря 1720 г.

по своему образцу и «покрою», т. е. ориентацию на стилистические традиции своего языка. Эволюция «портновской» метафоры к концу века убедительно показывает, что такая стилистическая позиция в переводе стала уже недостаточной. Но новая задача — воссоздание в переводе стилистики оригинала, потребовала и новой метафоры, заимствованной на этот раз из области пластических искусств: переводчик — копиист, старающийся воссоздать в копии особенности и колорит оригинала. Насколько трудна была эта задача, можно судить по одному из самых известных использований метафоры: «Неполный, слабый перевод, С живой картины список бледный» (А. С. Пушкин). Старая же, «портновская», метафорика окончательно отошла в область травестирированной литературы. Для рубежа XVII—XVIII вв. выраженный в этой метафоре стилистический аспект теории перевода имел свой смысл — переводчики учились подробно перелagать «смысл и истину», сознательно не ориентируясь на стилистику оригинала. Эта концепция, разработанная на материале научной прозы, не замедлила сказаться и в переводе художественных произведений. Доказательством тому служат находки иноземных источников для считавшихся ранее оригинальными сочинений, а также то, что анализ некоторых несомненно переводных произведений не всегда позволяет установить язык, с которого сделан перевод. Таким образом, теория перевода, сложившаяся в петровскую эпоху, открывала новые возможности для творческих поисков.

Т. В. БУЛАНИНА

**МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПОЛНОГО ИНВЕНТАРЯ
КУРСОВ РИТОРИКИ И ФИЛОСОФИИ
КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ**

Не приходится доказывать значение Киево-Могилянської академії в історических судьбах української і російської культури XVII—XVIII вв. Научна і педагогічна діяльність вивучеників Академії, по словам В. Г. Бєлінського, впливала на судьби «не тільки заходного, но і нашого російського просвіщення в теченні почти полутора века».¹ Преподаватели и питомцы Академії прославили свою alma mater далеко за ее пределами. «Изобиловала всегда учеными людьми диєцезія вашого преосвященства и академія Київська и имела себе честь сицевую, что от

---

¹ Бєлінський В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, т. VIII, с. 152.